

24 апреля, № 17, 1977

ПРАВДА

НА ПУТИ К ЗРЕЛОСТИ

— Х У Д О Ж Н И К И В Р Е М Я —

ЛЕТ ДВАДЦАТЬ назад встречал я одного литератора, который в то время уже стал известен: он написал книгу о своей юности. И хоть прав Пушкин, что с воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не продвинется, многие именно с этого порога делали и делают свой первый шаг. В книге были живые подробности, критика заметила ее, и автор готовился писать роман. Он приходил в редакцию журнала, где его повесть была напечатана, и, поглаживая ладонью переплет новой толстой записной книжки, все страницы которой были еще чисты, говорил:

— Вот начинаю собирать материал. Погружусь в жизнь, соберу материал, переработаю и — будет роман. И он сделал все, как говорил: погрузился, собрал, переработал, новая его книга тоже была напечатана. Потом он написал еще одну... Он делал усилие, ставшие ему теперь привычными, число написанных страниц росло, но чуда, которое отличает подлинное искусство, не совершалось. Ему дано было написать книги, но не дарован был тот магический кристалл, сквозь который только и виден мир человеческой души.

Писатель не погружается в жизнь подобно водолазу, чтобы потом доставить на поверхность результаты наблюдений, он постоянно живет жизнью своего народа. Но есть пора, когда он еще только зреет сам, когда он выбирает в себя мир, даже не задумываясь вполне, зачем и для чего это ему. И вот такое, не со специальной целью наблюденное, крепко остается в памяти.

Раньше всех, как я думаю, созревают поэты. У прозаиков процесс этот, как правило, длителен: под то знание, которое им со временем возводить, фундамент нужен глубокий.

Среди советов молодых нередко и такой встречается: сокращайте начало, по возможности обрубайте его. Я думаю, для прозаика это губительно. Юность нашего поколения, ныне пятидесятилетних, совпала с войной. Вполне по-

нятно, что шли тогда на фронт не материал для будущих книг собирать, а защищать Родину. Шли солдатами, на фронте становились офицерами. Излишне говорить о том, как быстро мужают на войне: год за три — это еще самая минимальная мера.

Многие, очень многие навечно остались там, на поле боя. И тем не менее в литературе наше поколение на редкость многочисленно. Предположить, что пуля и снаряд шадил литературно одаренных людей, было бы крайне паивно. Дело в другом. Великое событие в жизни народа всегда порождает литературу, породило ее и в этот раз. Но первые книги прозаиков нашего поколения о войне появились не сразу. Прошли годы. Почему потребовался такой срок? Помимо всего прочего, шел процесс созревания личности. Ведь возвращались мы с фронта очень молодыми: двадцати с небольшим лет. Был опыт войны, но еще не было почти никакого опыта жизни. Мы стали участниками исторического события, но понимания глубинного смысла его, связи причин и следствий, всего того, что лежит не на поверхности, — этого понимания еще не было, оно пришло вместе с гражданской зрелостью.

И я бы сказал, что, в общем, процесс созревания тогда шел даже быстрее, потому что он совпал с важнейшими событиями в жизни нашего общества. Попробуйте сократить это начало! Мне кажется, ни одна значительная книга не была бы написана, нет...

Тем, кто способен сказать лишь немногое, им, конечно, важно первыми прибегать к финишной ленточке. Но задача литератора не в том, чтобы торопливо заявить о себе, а в том, чтобы сказать свое

слово о своем времени. Его никто за тебя не скажет. А время из всего временного отберет самое значительное.

Конечно, четких границ между поколениями нет, такое деление весьма условно. Все мы вышли из «Севастопольских рассказов» Льва Толстого, все мы из гоголевской «Шинели». И за каждым из нас — опыт советской литературы, которая давно уже стала частью культуры всего человечества.

Но влияние великих художников, я бы сказал, не в том лишь, что мы учимся у них методу исследования, фразе, оно гораздо значительнее, оно и в том даже, что мы можем его не замечать, как не замечаем Земли вращения.

Каждое поколение, как в жизни, пролагает в литературе путь другому поколению, чтобы потом — нередко! — учиться у него. И каждая значительная книга вызывает к жизни еще что-то книгу или новое имя. Литература — единый процесс. Творят ее не одни гении: чем выше возносятся пики гор, тем шире и мощней их основания.

А вообще писателем становятся не в тот момент, когда садятся за стол и при почти молчаливом ближайших родственников пишут. Нет. Писателями рождаются. Это призвание, а не выбранная профессия. И ни один институт, в том числе и Литературный институт имени А. М. Горького, где я веду семинарские занятия с прозаиками, ни один институт в мире не способен дать человеку то, что ему не дано от природы. Но не слишком ли рано сегодня молодые писатели становятся профессионалами? Ведь одного таланта мало. Надо еще, чтобы жизнь твоей страны, биография твоего поколения стали и твоей биографией.

Одному своему слушателю, заочнику, человеку одаренному и не юноше уже, я настоятельно советовал поехать работать в Набережные Челны, где тогда только начинали строить КамАЗ. Это интереснейшая стройка. Там не только героически трудились многие талантливые люди, но постоянно возникали сложнейшие проблемы — и нравственные, и хозяйственные.

Подняться с семьей и переехать работать на новое место или на какой-то срок уехать от семьи, пока и ее можно будет перевезти, — на это, конечно, трудно решиться. Трудно. Он не решился. Он сейчас пишет, печатается. Но ту книгу, которую мог и должен был написать этот человек, он не написал и, возможно, никогда уже не напишет. Никому не дано прожить жизнь заново: сначала начерно, потом набело. И упущенные годы не возвращаются.

Смог бы, к примеру, Джек Лондон создать свою одиссею, если бы она не была и его жизнью?.. Незадолго до второй мировой войны, когда в Испании уже шла война с фашизмом, Хемингуэй говорил: «Писать правду о войне очень опасно, и очень опасно доискиваться правды... Когда человек едет на фронт искать правду, он может вместо нее найти смерть. Но если едут двенадцать, а возвращаются только двое — правда, которую они привезут с собой, будет действительно правдой, а не искаженными слухами, которые мы выдаем за историю. Стоит ли рисковать, чтобы найти эту правду, — об этом пусть судят сами писатели».

...Начинающему всегда трудно. И писателю вообще. Человек приходит в мир, где уже столько открыто, столько сказано! Да и не каждому дано открывать. Но что есть увле-

кательней, нужней, достойней этого? Про плохих актеров говорят, что они производят чужие слова не своим голосом. Задача писателя иная.

...Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что
Передоверить. Даже не мог
Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет — пусть
себе он бог,
А я лишь смертный. За
свое в ответе,
Я об одном при жизни
хлопочу:
О том, что знаю лучше
всех на свете,
Сказать хочу. И так, как
я хочу.

Вот так А. Твардовский определял назначение писателя и суть его дела. И тут нет различия между начинающими и умудренными опытом. Долг и назначение одинаковы: сказать свое слово о своем времени. Но путь к тому долг. На этом пути и проживая жизнь, и горы исписанной бумаги. А отбирается лишь немногое, что можно представить читателю. Ведь произведение искусства существует только в единственной, его собственной и ничьей другой форме. И оно не бывает безразмерным.

Писать кратко, сказать просто о самых сложных вещах — для этого нужен не только талант и чувствительность, это требует гигантского труда и многих размышлений. Но это — вершина. Какие прекрасные главы вычеркивал Лев Толстой из «Войны и мира»! Прекрасные сами по себе они могли нарушить стройность целого.

Да, начинать трудно. Но ведь и дальше не легче — на всем пути. Потому что любая новая книга должна быть той же новизной словом, иначе она просто не нужна.

Сейчас в литературе все чаще появляются новые имена.

Года два назад в журнале «Октябрь», который теперь каждый свой двенадцатый номер отдает молодым, были напечатаны одна за другой две маленьких повести Эдуарда Хозяинова: «На Тверце на речке» и «Волки». Критика обшла их своим вниманием, хотя очевидны были и способности автора, и чувство слова, и умение писать зримо, точно. Два года прошло, автор не присылает новых вещей. Хотелось бы верить: время ушло именно на то, чтобы повал вещь стала новым его словом.

Хорошо заявил о себе повестью «Семья» Валерий Мурзаков. Повесть его была напечатана в прошлогоднем седьмом номере журнала «Волга». И опять критика почему-то молчит. А ведь не только в том задача критики, чтобы сосредоточить свет прожекторов на одном или двух ярко засверкавших писательских именах. Да пока таких и нет, если судить по большому счету. Но есть немало способных людей, каждый из них интересен по-своему, заслуживает внимания. И очень важно по-хозяйски разобраться, понять, с чем идет в мир новое поколение.

В этом году первые номера журналов «Юность» и «Знамя» представляли еще двух молодых литераторов, тоже выпускников Литературного института. В «Юности» напечатана очень живая, не лишняя юмора повесть Игоря Кувшинова «С нами не соскучишься» — об учениках и воспитателях производственно-технического училища. В «Знамени» — повесть морского летчика Виктора Лескова «С высоты полета» — о людях мужественных, людях долга и чести. В обеих повестях видно не только хорошее знание жизни, они напи-

саны одаренными людьми.

Но вот я думаю о том долгом пути, который предстоит этим небольшим по объему вещам, пока они станут книгами. Издательства будут ждать, пока еще что-то добавится к повестям и наберется желательный объем и листажи. Потом начнут утрясаться планы и, в лучшем случае, только через несколько лет книги попадут к читателю, когда молодые будут уже не столь молоды. Вот это начало надо сокращать. Этот путь следует облегчить максимально. Слово, сказанное вовремя, должно быть вовремя и прочтено. А краткость никак уж не должна ставиться в вину. Придет срок — составятся большие сборники. Но нельзя, чтобы книги молодых писателей доходили к нам, как свет далеких звезд, когда-то вспыхнувших и успевших порядком остыть.

Журналы наши и раньше стремились и особенно теперь стремятся печатать молодых талантливых авторов: каждому и лестно, и хочется открыть новое имя. Но тут одного желания мало. Не будем от себя скрывать, что посредственность быстрее всех успевают и книгу испечь, и в этой книге будет видимость проблем, и самые свежие приемы дня, и разговоры о том, что носится в воздухе. И страсти на страницах кипят, но так, чтобы никого всерьез не беспокоить. Это все видимость дела и видимость жизни. От посредственности в искусстве ничто живое на свет не родится.

Талантливый человек, поворачивая, несет свое знание, свое слово, которое за него никто не скажет — «пусть себе он бог». И вот этим надо дорожить. Когда мы видим живое слово, более всего нужны и доверие, и доброжелательность, и спокойная мудрость.

Не бывает талантливых людей на одно лицо. Все они — разные, не похожие друг на друга. Но талант каждого из них — достояние народа.

Григорий БАКЛАНОВ.
г. Москва.